

Говорухин, которому не было страшно

У Белого дома

Вваливаемся. Станислав Сергеевич. Сам. Легкие модные брюки. Белье носки. Шикарная шелковая рубашка. Чудовищных размеров гантели на паркетном полу рядом с гигантским диваном черной кожи. Книжные полки. С книгами.

Профессионально выстроив выгнутую мизансцену, хозяин усаживает нас (меня и фотографа) рядом. На стоящий углом диванчик. А сам красиво, с трубкой в сильных руках располагается напротив. То есть мы как бы в зале. Он, конечно же, на экране. Такой расклад, на мой взгляд, постулирует пафос грядущей беседы.

За политику. За народ. За производственную программу. Я даю своему великолепному собеседнику шанс спустить пар. И обильно выговорить все заготовки. Заготовки, уже отработанные в других интервью. (Это минус журнальной работы со знаменитостями. Всегда много конкурентов, рвущих тот же кусок чужой славы. Мы, бедные журналисты, должны паразитировать на чьей-то гениальности, по возможности стараясь не фактуриться в тени Великих фигур).

— «Сознательных» людей не очень много (даже в Москве), и все-таки в дни путча несколько тысяч человек там было, у Белого дома? — задаю я вопрос, который с конца минувшего лета все более и более созвучен анкетному: «Где вы были до октября 1917 года?»

— Ну, в общем, я не раздумывал, куда идти и зачем. Я, конечно, был там, в Белом доме. Ночь с 20-го я на улице ночевал. Пробовался и промок как зараза. Потом выпил, потом заснул. Все три ночи я был там.

— А в чем смысл? — вопрос уже неанкетный, но от этого не менее, конечно, риторический. Хотя, признаюсь, отвечают на него по-разному.

— Ну, могу сказать честно, мне было интересно просто до безумия, — тоном по-говорухински уверенным и мужественным это выпыхивается с очередной порцией трубачного дыма; режиссер остается в своем железном имидже.

— Как делается история?

— Да, конечно. Я, если уж так, откровенно говоря, ну не верил, что они отважатся на штурм. Поэтому никакой смелости с моей стороны не было. Я абсолютно не верил, что они отважатся. То, что армия, КГБ и МВД разложились, я уже понимал. Какие бы они там «Альфы» или «Каскады» ни были; ну как это — на людей? Кто пойдет теперь? Ну, они, короче, взяли бы этот Белый дом. Они вооружены, они могли бы взять очень быстро. Но отказались, — в знакомом по экрану голосе звучат теперь нотки менторские, напоминающие объяснения репетитора о своих подопечных, типа: «Я знал, что мальчики сдадут экзамены без проблем». — Уговоры, трибунал, угрозы. Отказались! Вот я это чувствовал. Я со многими беседовал. Я знаю, что они все разложились. В хорошем смысле, правда.

— По их терминологии... — пугаюсь я за всех сразу; все-таки распад таких могучих организмов ударит по здравым не только членам Союза кинематографистов.

— Да, по их терминологии — разложились. А по нашей — уже стали людьми.

— Станислав Сергеевич, вас узнавали? — Это я, само собой, дурака валяю.

— Конечно. Ну вот я и в этом еще чувствовал свою обязанность как бы обходить боевые посты, потому что меня знают и вроде бы...

— Любят?

— Ну, любят, не любят, не знаю, — кокетничает Станислав Сергеевич. — Но по моей роже видят, что кинематограф, деятель искусства — тут. Ну поэтому я очень часто просто ходил, — затягивается он сладкой трубкой, аромат «Амфоры» пьянит. — Просто так. Да и в Белом доме, наверное, от моего присутствия, понятно, пользы мало, но все-таки — пошутить там, поговорить.

Вот оно, вот! То, о чем я догадывался. То, что готов был ус-

лышать. Для многих авторитетных звезд кино-, теле- и эстрадных небосводов, ощущавших себя неуязвимыми за броней (узнаваемых и обожаемых толпой) лиц, эти три дождливых дня, эти три страшные, грохочущие ночи были своего рода «волнительной» презентацией. Тусовка. Более крутая, чем помпезные действия, сотрясающие Дом кино. «Вы были на баррикадах?» — «Вы попали на премьеру?» — «А на банкет вас пригласили?» — «А в Белый дом пропуск достали?» — «С юбилеем удалось пообщаться?» — «Бориса Николаевича видели, разговаривали?»

— Для деятеля кинематографа вы считаете себя политизированным человеком? — это все равно, что спросить Раису Максимова: достаточно ли она, по ее мнению, модно одета.

— Ну, конечно, если я ударился в публицистику и все остальное забыл, конечно, я политизирован до мозга костей.

Жить можно?

— Самым значительным событием перестроечных лет в документальном кинематографе, бесспорно, стала ваша лента «Так жить нельзя». Это моя точка зрения, — не криволю душой я.

— Я бы тут не стал скромничать и сказал бы, что да. Ты, например, знаешь, что она ведь очень большую роль сыграла в обществе? Ну, предположим, помогла Ельцину стать Председателем Верховного Совета РСФСР.

— Каким образом? — опять я вполне искренен; по-моему, Б. Н. больше всего помогали ЦТ и партпресса, чернившая его из всех большевистских сил и тем самым агитировавшая за него народ.

— Когда его не выбрали дважды перед последним перевыбором, мы взяли всех депутатов со съезда РСФСР, — внимательно отслеживая некий скепсис в моих глазах, рассказывает Рыцарь Политического Кино. — Моссовет подогнал автобусы и всех привез на «Мосфильм». Им показали картину. После фильма человек 200 встали и просто промаршировали к выходу. А остальные 800 стоя аплодировали. И на следующий день были выборы Ельцина. Ну, там пятнадцать, что ли, голосами победили. Я думаю, что эти пятнадцать голосов были...

— Набраны в кинозале?..

— Да! Но потом, конечно, мы столько народу выгнали из партии этим фильмом! — не без удовольствия вспоминает Говорухин. — «Разложились» ведь и армия, и КГБ, и МВД. Я имею в виду, что это «разлагающее действие» во многом от фильма. В нем я как раз примерно то же самое делаю с коммунистической идеей. Боюсь, что мой фильм уже устарел. Все стало развиваться с такой скоростью! — Быть может, публицистическая часть устарела, а историческая, бесспорно, нет. Потому что эта картина — часть истории нашей. Кстати, Станислав Сергеевич, вам известна реакция Горбачева на вашу ленту? — Ведь в том, что президент смотрел эту ленту достаточно внимательно, я почти не сомневаюсь.

— Ты знаешь, нас ведь на такие просмотры не приглашают. Ну, разведка донесла, что был мрачен...

— После? Или сразу, до просмотра, помрачнел, предвкушая?

— Мрачно смотрел. Мрачно, ничего не сказав, ушел. На следующий день уже был в Америке. Уже немрачный. Но в первом же интервью сказал такие слова (невольно у него вырвались): «Ну, теперь мы поняли, что так жить нельзя».

Позволю себе цитату из прошлогоднего интервью Говорухина «Советской культуре»:

«Мне Николай Травкин сказал: «Левые» — полевели, «правые» — поправили, а центр (который все решает) чуть сдвинулся влево». Вот это для меня главное. Значит, мы добились своей цели. Меня угнетает и раздражает толпа, где у всех все одинаково: и бородавка, и одежонка. Могут быть модификации, но варианты — по пальцам счесть. У них есть набор любимых писателей, художников. Есть набор писателей и художников, которых нельзя лю-

бить ни в коем случае. И не дай Бог кому-то из них сказать, что он любит Распутина. Всё — крышка. Он уже выпал из стада. Или спроси у них о Ельцине. У них и тут готовая формулировка. Я хотел своей картинкой принести пользу обществу. Если центр полевел — уже польза. Если это подействует на Горбачева — уже польза... Бакатину картина резко не понравилась. Насторожило то, что он даже отказался обсуждать картину. Правда, потом прислал письмо, где написал, что художник имеет право на превеличие. И я вспомнил другой случай, когда мою картину «Место встречи...» принимал Чурбанов. Так вот, посмотрев две серии, он повернул к нам разъяренное лицо и сказал: «Вы что, хотите, чтобы вся страна в течение двух недель говорила о ворах и проститутках?». Нравственный был замминистра, оскорбился за народ. И ушел, рассерженный, из зала».

Праздник переворота

— Станислав Сергеевич, а вы встречались с кем-нибудь из восьмерки ГКЧП?

— Нет, ни с кем. К сожалению, ни с кем. Потому, что... ну, я ведь не вращаюсь в этих кругах. Говорю «к сожалению», так как мне было бы сейчас интересно, если бы я с кем-то из них близко общался, знал их семью.

— Поскольку вы не верили в самый трагический исход событий, вы, стало быть, не боялись за свою семью? То есть ваша семья оставалась дома, в Москве? Вы не пытались что-то предпринять?

— Нет. Жена боялась за меня, я за нее вообще не боялся. Был уверен, что это кончится хорошо. Но эта уверенность у меня появилась где-то только в середине дня 19-го числа. Потому что я сел в машину, поехал туда-сюда. Посмотрел. Понял, что должно быть. Если эта хунта отважится на кровь и аресты немедленные... А они уже не отважились! Или не сумели, что тоже возможно. А если бы она не вводила войска, не запрещала газеты, ни то, ни се. Вообще взяла бы еще и Горбачева, то она победила бы на некоторое время. И тогда я сказал бы: «Вот, ребята, попрем при тоталитарном режиме». К вечеру я уже понял, что они организовали ЭТО, как все остальное. Как кампанию по продовольственной программе, как кампанию по сбору урожая, т. е. все из рук вон плохо. Коммунисты! А мы знаем, чтобы они ни делали, все оборачивалось эффектом бумеранга, все — обратно! Весь сценарий, ты видел, был простейший. (Практически — 1964 года). — Путч был сделан в день Преображения Господня. Казалось бы, сатанинские силы должны были потерпеть поражение. Но они нас били и на Пасху, и на Рождество, и на Вознесение, и в день Казанской Божьей Матери. Они не учли другого: Преображения Духа Народного. Это они не учли, а все остальное у них сработало идеально. — Говорухин, произнося эти слова, выглядит человеком удовлетворенным на все, как говорится, сто. — Все-таки ГКЧП многим угодил. И, к сожалению, сценарий, уверен, сработал против президента. Он был парализован, испугался, не действовал, не боролся, то есть вел себя недостаточно мужественно, на мой взгляд. (С автором лучших советских боевиков трудно спорить по поводу критериев мужественности; он слишком близок к эталону; даже если не учитывать табак «Амфора». — Е. Д.). Много возникает вопросов. Была у него связь (односторонняя хотя бы), знал, что делается в мире: «Свобода» и Би-би-си говорили подробнейшим образом. (Я сам принимал участие в составлении этих программ). У него была охрана и гигантская территория Дачи, которая контролировалась этой охраной. Его не палили с моря, наоборот, на море были моряки, которые собирались его спасти. И этот факт был известен в Белом доме на второй день. Ну и как всегда, конечно, в виде сплетни. Как якобы кто-то перед моряками выступил и сказал: «Моряки, у вас есть возможность оправдать-

ся перед народом за 1917 год». Конечно, это байка, безусловно, это байка. Но никакая шутка на пустом месте не возникает, правильно? В каждой шутке есть, как говорят французы, доля правды. То есть наверняка там была большая доля правды. Правильно? Далее, «восьмерка» сразу, когда почувствовала, что все, кранты, полетела к нему. С какой стати? Вот это самое сомнительное. И, наконец, когда он приехал, то назначил на эти важнейшие государственные посты предателей. Моисеева! А Моисеева назначать не нужно было, он уже сутки как руководил армией. И когда мы в Белом доме услышали, что вместо Язова — Моисеев, все сказали: «Вот теперь конец». Потому что это вам не Язов, сказали. Это посерьезней, это не «дедушка». Понимаете, и с остальными так же. Кого он назначил? Тех же самых, партаппаратчиков. И это не все. Ведь завтра историки восстановят все диалоги. Кто кому сказал дословно. Какова была интонация. И возникает картина неприглядная. Я так думаю. Я сейчас не хочу Горбачева подозревать ни в чем. Но как мужчина, мне кажется, я бы себя так не вел. Кстати, народ — ему не нужно никаких доказательств, он чувствует по интонации. За него драли глотку, мальчики отдали жизни.

Я уж не говорю о том, что он не приехал в Белый дом из «Внукова». Чудовищная ошибка! И еще одно свидетельство того, что он чувствовал себя неуверенно. А теперь посмотри на рейтинг. На сегодняшний его рейтинг. Разве таков должен быть авторитет президента, за которого боролся весь народ и которого вызволили? Да нет, конечно. Народ чувствует, его не обманешь, понимаешь, тут людей нельзя обманывать.

— Вы были дружны и, по-моему, выражали гиперсимпатию (я тоже, и от своих слов не отказываюсь) Невзорову Александру.

— Чрезвычайно он мне нравился. Как только он перестал быть репортером...

— А кем он стал? Ведь я-то убежден, что Саша Глебыч свержрепортером так и остался и все гонения на него могут играть только в его пользу. «Эффект Ельцина».

— Он стал неким политическим обозревателем. Пророком. «Что позволено Юпитеру, не позволено Быку». У него был свой талант, и он его замечательно, конечно, нам демонстрировал. Как только он взялся за то, в чем он, извини, ни ухом, ни рылом, — то, конечно...

— Но вы, надеюсь, не собираетесь купировать «Так жить нельзя» при дальнейших демонстрациях? Я имею в виду кусок с Невзоровым.

— Да нет, это история. Невзоров меня разочаровал, надо сказать. Он облегчил мне задачу. Не я с ним перестал разговаривать, а он со мной. Незадолго до литовских событий.

— Он, знаете, без чувства юмора. (Я мог бы углубиться в анализ восприятия шутки теле- и кинозвездами, благо сам Говорухин — благодарнейший материал для такого анализа; но он безмерно талантлив — и воздержусь. — Е. Д.). Абсолютно этот человек, абсолютно без чувства юмора! У меня была Сашка Яковлева. Забегала: «Станислав Сергеевич (она взяла мой сценарий, новый этот). Подпишите мне». Я подписал какую-то ерунду: «Аяя, Сашка, долуй Невзорова!». А в это время у них напряг в отношениях. Он разошелся. Страшно обиделся. Ну кто будет писать «Долой Невзорова!» не в шутку? Понятно же, что он это прочтет. Я же ему практически пишу.

После Невзорова мы переходим — опять же по нашнему российскому обычаю — к судьбам страны. «Мы несем свою вахту в прокуренных кухнях. В шляпах из перьев, в трусах из шльица. И если кто-то и сдох от удушья, то отряд не заметил потери бойца». На посюток — за публицистику. И за кино, и за так. И за тех, кто нас, публицистов, без хлеба не оставит.

У режиссера гостил Евгений ДОДОЛЕВ.